

Иркутский государственный университет
Научно-образовательный центр
Межрегиональный институт общественных наук при ИГУ
(Иркутский МИОН)
Лаборатория исторической и политической демографии ИГУ

**Переселенческое общество
Азиатской России: миграции,
пространства, сообщества.
Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков**

Иркутск

 ИРКУТСК

2013

УДК 391 (51)
ББК 63.529(253)-32
П 27

Издание подготовлено при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. в рамках проектов «Переселенческое общество Азиатской России: этномиграционные процессы в формировании локальных пространств и сообществ. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков» (соглашение № 14.В37.21.0012) и «Этномиграционный фактор в формировании социального пространства Сибири» (соглашение № 14.В37.21.0271), выполненных научно-образовательным центром Межрегиональный институт общественных наук при Иркутском госуниверситете (НОЦ МИОН при ИГУ) и Лабораторией исторической и политической демографии ИГУ в 2012–2013 гг.

Публикация осуществляется в рамках Программы стратегического развития Иркутского государственного университета (проект Р222-МП-003).

Научные редакторы:

*В.И. Дятлов
К.В. Григоричев*

Редакционная коллегия:

Л.Е. Бляхер, Н.Г. Галеткина, И.В. Нам, С.А. Мулина

Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества / Науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. – Иркутск: «Оттиск», 2013. – 624 с.

Книга посвящена исследованию влияния этномиграционных процессов на формирование локальных сообществ в условиях переселенческого общества Сибири. Ставится задача сравнить ситуации рубежей XIX–XX и XX–XXI веков. Через изучение отдельных проблем и ситуаций (кейсов) предпринимается попытка проследить воздействие этнических миграций на локальные (прежде всего – городские) сообщества Сибири и Дальнего Востока России. Анализируются процессы трансформации локального социального пространства за счет появления в нем в позднимперский и постсоветский периоды этнического измерения.

Книга предназначена для специалистов в области проблем миграций и диаспор, истории и современного развития Сибири, преподавателям и студентам, широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-905847-49-3

© Коллектив авторов, 2013.
© МИОН при ИГУ, 2013
© Лаборатория исторической и политической демографии ИГУ, 2013

Авторский коллектив:

Введение: В.И. Дятлов, К.В. Григоричев.

Глава 1: К.В. Григоричев (редактор главы; введение; 1.3), Н.В. Мкртчян (1.1), Н.П. Рыжова (1.2), А.С. Бреславский (1.4), И.О. Пешков (1.5).

Глава 2: Л.Е. Бляхер (редактор главы; введение; 2.1), Т.Н. Журавская (2.2), Е.О. Скрипник (2.2), И.О. Пешков (2.3).

Глава 3: В.И. Дятлов (редактор главы; 3.1), А.Н. Алексеенко (3.2), М.Н. Балдано (3.3), С.В. Кириченко (3.4), Е.В. Дятлова (3.5).

Глава 4: С.А. Мулина (редактор главы; введение; 4.3), Н.Г. Суворова (4.1), А.А. Крих (4.2), Т.Н. Сорокина (4.4), И.В. Нам (4.5).

Глава 5: И.В. Нам (редактор главы; введение; 5.3), Г.Н. Алишина (5.1), П.К. Варнавский (5.2).

Глава 6: Н.Г. Галеткина (редактор главы; введение; 6.2), В.И. Дятлов (6.1), В.Ю. Рабинович (6.3), И.Г. Поправко (6.4).

Заключение: В.И. Дятлов, К.В. Григоричев.

Оглавление

Введение. Трансграничные мигранты в городском пространстве Сибири	6
1. Точка отсчета. Особенности исторической традиции.	12
2. «Анклавы». Проблема экономической и жилищной сегрегации мигрантов.	17
3. «Виртуальные ядра».	22
4. «Экономические анклавы». Проблема «этнической экономики» города	27
5. Проблема «чайнатауна»	28
6. Мигранты – устойчивый объект внимания горожан и властей.	31
Глава 1. Динамика пространственного развития.	36
Введение	36
1.1. Города востока России «под натиском» демографического сжатия и западного дрейфа.	41
1.2. Населенные пункты ограниченного доступа – насилие государства или особая привилегия?	62
1.3. В тени города: в поисках пространства пригорода	74
1.4. Сельско-городская миграция в Республике Бурятия и развитие пригородной зоны Улан-Удэ в 1989–2012 гг.	90
1.5. «Восточный рынок» на постсоветском «Востоке»: анализ подходов к восточным моделям товарно-вещевых рынков Восточной Сибири и Дальнего Востока	110
Глава 2. Дальневосточное трансграничье	128
Введение	128
2.1. Этнонизация и колонизация в региональном дискурсе современной Азиатской России (на примере малых городов Дальнего Востока)	133
2.2. Предприниматель из КНР – собственник, мигрант или работодатель?	168
2.3. Следы российской Маньчжурии: ре-актуализация. Избранные социальные и материальные аспекты российского (сибирского) символического поля в Северном Китае	193
Глава 3. Этнонизация городского пространства.	211
3.1. Этнонизация городского пространства: попытка определиться в исследовательском поле	211
3.2. Этнонизация и традиционализация городского пространства современного Казахстана	224
3.3. Верхнеудинск – Улан-Удэ: от уездного города к столице.	249

3.4. Этнонизация городского пространства Верхнеудинска/Улан-Удэ: становление бурятской национальной интеллигенции	271
3.5. Китайский общепит Иркутска: присутствие в публичном пространстве города	284
Глава 4. Этномиграционные процессы в пространстве власти.	297
Введение	297
4.1. Крестьянские общества Сибири в научных и административных практиках имперских экспертов (конец XIX – начало XX вв.)	301
4.2. Дворянская колонизация Сибири на рубеже XIX–XX веков	336
4.3. Поляки на службе империи	354
4.4. Приамурская администрация и китайские общества взаимного вспомоществования в начале XX в.: благотворительность и/или управление?.	376
4.5. Национально-культурная автономия: рецепция и попытки реализации проекта в России	422
Глава 5. Диаспорные стратегии интеграции мигрантов.	452
Введение	452
5.1. Немцы Томска в конце XIX – начале XX вв.: опыт диаспоральной институционализации	456
5.2. Кто этнизирует мигрантов: принимающее общество или они сами? Институционализация мигрантского сообщества на примере выходцев из Кыргызстана в Улан-Удэ	466
5.3. Национально-культурная автономия как современная форма самоорганизации этнических сообществ (на примере Томской области).	492
Глава 6. Пространство образов и слов	522
Введение	522
6.1. Синдром «желтой опасности» в дореволюционной России: экзотизация как механизм дегуманизации и исключения	526
6.2. Язык описания «столыпинских» переселенцев в служебной аналитике Переселенческого ведомства	555
6.3. Советская власть и этнические меньшинства Сибири: поиск и формирование дискурса управления (1920-е годы)	574
6.4. Этнофобия и мигрантофобия в интернет-пространстве сибирского города: конструирование образа (Томский кейс)	587
Вместо заключения. От Центра к Сети: изучение этномиграционных и диаспоральных процессов в Иркутске	605
Сведения об авторах	620
Список сокращений.	623

Глава 6. Пространство образов и слов⁹⁰⁶

Введение

Исследование пространства миграций неизбежно включает в себя рассмотрение способов осмысления и «говорения» об этом явлении. «Мир *социальный* возможен только как названный, т. е. обозначенный при помощи *относительных* категорий языка. <...> В этом смысле первоочередное значение приобретает анализ языка и особенностей его употребления, то есть дискурса и дискурсивных стратегий»⁹⁰⁷.

Распространенные в обществе мыслительные схемы и системы категоризации организуют способы восприятия реальности, побуждают видеть вещи в определенном ракурсе. Так, доминирование классового подхода настраивает на поиск классово-обусловленных объяснительных моделей, тогда как этническая рамка восприятия заставляет искать причины происходящего в межэтнических отношениях. Таким образом, используемый нами язык во многом конструирует образ той реальности, которую мы воспринимаем.

Анализ языка описания необходим и для того, чтобы лучше понимать реалии конкретного времени, контекст событий и ту смысловую нагрузку, которую несли на себе слова (понятия, категории, образы, метафоры) в данный исторический момент. Ведь зачастую привычные для нас определения могли иметь совершенно другой смысл в иную, отдаленную от нас эпоху. Вспомним, например, что те, кого сегодня называют «таджиками» и «киргизами», вовсе не обязательно являются потомками людей, которые именно так обозначаются в переписи населения Российской империи 1897 года⁹⁰⁸.

⁹⁰⁶ Авторский коллектив: Н.Г. Галеткина (редактор главы; введение: 6.2), В.И. Дятлов (6.1), В.Ю. Рабинович (6.3), И.Г. Поправко (6.4).

⁹⁰⁷ Осипов А.Г. Идеология «миграционной политики» как элемент конструирования этнической конфликтности (на примере Краснодарского и Ставропольского краев) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 155. М.: ИЭА РАН, 2002. [Электронный ресурс]: URL: http://www.igpi.ru/info/people/osipov/krasnodar_stavr.html#_ftn1 (режим доступа: свободный).

⁹⁰⁸ Абашин С. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетейя, 2007. С. 97.

К тому же значение понятий и категорий могло варьироваться в зависимости от того, кто именно их использовал, в какой конкретной коммуникативной ситуации. Знания словарного значения слова здесь явно недостаточно, необходимы методы исторической семантики, которые помогают «понять, какой смысл понятия обретали в действиях. Ведь значения не существуют сами по себе: они создаются конкретными людьми, обладающими собственным взглядом на вещи и воображением <...>. Надо уметь читать метафоры, чтобы понять, что смысл может быть заключен не только в словах, но кроется также в невысказанном и неочевидном»⁹⁰⁹.

Соединению «невысказанного и неочевидного» с вполне оформленными и распространенными в обществе идеологемами посвящено открывающее эту главу исследование В.И. Дятлова. На материале комплекса представлений и идей, составивших синдром «желтой опасности» в позднеимперской России, автор размышляет над феноменом экзотизации и выдвигает гипотезу, согласно которой экзотизация дальневосточных народов и культур была одним из механизмов их дегуманизации и исключения. Он показывает, как нормальная, стандартная процедура начала знакомства с неизвестным, чужим объектом, могла вести к представлению о его полной «чуждости», «инаковости», когда набор экзотических характеристик представителей «желтой расы» «представал настолько великим и всеобъемлющим, что, в каком-то смысле, вообще исключал их из человеческого сообщества». Подобная дегуманизация представителей чужой культуры становилась естественной предпосылкой для их демонизации, для превращения реального или потенциального противника в смертельного врага.

Образ «чужого», несущего угрозу привычному миру, лежит в основе любой ксенофобии, будь то синдром «желтой опасности» в позднеимперский период или мигрантофобия в современном российском обществе. Представление об угрозе, по сути, отражает те вызовы, которые появление «чужаков» ставит перед идентичностью принимающего общества. Страхи, связанные с мигрантами, на самом деле выражают тревогу за свою социаль-

⁹⁰⁹ Шперлинг В. «Спящая красавица»: что делать? Империя как понятие, метафора и сеть взаимодействий // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 77.

ную идентичность; мигранты как таковые выступают в качестве «повода», а причины недовольства и страхов лежат в проблемах самосознания и в неуверенности в собственном завтрашнем дне. Такой вывод делается в работе И.Г. Поправко о мигрантофобии в интернет-пространстве сибирского города.

Тема образов миграции и мигрантов в СМИ привлекает внимание многих современных исследователей⁹¹⁰. В данном случае автор стремится показать, как образы, во многом сформированные средствами массовой информации, переходят в пространство интернет-форумов, домысливаются там и используются в конструировании мигрантофобий. На материале двух интернет-порталов г. Томска автор очерчивает то реальное, порой спонтанное и хаотичное, коммуникативное поле, в котором «живут» образы и страхи, связанные с мигрантами.

Диахронное рассмотрение этномиграционных процессов позволяет увидеть повторяющиеся, устойчивые черты, которые не меняются с переменой исторических обстоятельств. Несмотря на разницу эпох, несовпадение конкретики рассматриваемых случаев, и «столыпинских» переселенцев начала XX века, и представителей «желтой расы» позднеимперского периода, и современных трудовых мигрантов в России объединяет, кроме всего прочего, тот факт, что они не являются самостоятельными субъектами публичного дискурса. Эти люди не имеют собственного голоса, за них высказываются другие, их оценивают и определяют извне с точки зрения «полезности» или «угрозы» для принимающего общества.

Отношение к мигрантам как к ресурсу и инструменту в решении государственных проблем также не является характерной чертой какой-либо одной исторической эпохи. В работе Н.Г. Галеткиной подобный инструментальный подход рассматривается на примере языка описания «столыпинских» переселенцев чиновниками и экспертами Переселенческого ведомства. Кроме того, автор задается вопросом о месте, которое занимает в вос-

⁹¹⁰ См., например: Шнирельман В. СМИ, «этническая преступность» и мигрантофобия // Язык вражды против общества. М.: Центр «Сова», 2007; Регаме А. Образ мигрантов и миграционная политика в России // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 389-406; Малькова В.К. Этнические аспекты журналистики. Из опыта анализа российской прессы. М.: ООО «Информполиграф», 2004; Титов В.Н. О формировании образа этнического иммигранта (анализ публикаций прессы) // Социологические исследования. 2003. № 11.

приятии переселенцев этнически ориентированный подход и приходит к выводу, что вовсе не он определяет общую картину. Этничность не входила в число основных элементов этого языка описания. Употребление же этнической лексики демонстрировало смешение маркеров локальности, гражданства, конфессии и собственно этничности.

Конечно, утверждать, что «национальность» была изобретена большевиками, было бы не совсем верно. В документах полицейского и воинского учета, в служебных аттестатах и врачебных карточках «национальность» фиксируется уже в начале XX века⁹¹¹. Тем не менее, говорить об этничности как о базовом идентификационном принципе на тот момент времени, не приходится. Однако после революции 1917 года «национальность» и «социальное происхождение» заменяют собой прежние конфессиональные и сословные принципы официальной классификации населения⁹¹². Этот переход, отмечает еще один автор нашей главы В.Ю. Рабинович, фактически завершился к середине 1920-х годов. В своей работе он показывает, как складывалась новая система взаимоотношений власти и этнических меньшинств, составляющих важную часть сибирского переселенческого общества, как формировался соответствующий этой новой системе дискурс управления. Сформированные в начале 1920-х годов дискурсивные практики взаимодействия власти с этническими меньшинствами определили и фон, и язык межэтнического взаимодействия на весь последующий исторический период.

Таким образом, проблематика властного и общественного дискурса относительно этномиграционных процессов объединяет столь разные кейсы, представленные в этой главе. Логику их расположения определяет хронология рассматриваемых в них сюжетов: от позднеимперской России через раннесоветский период к сегодняшнему дню.

⁹¹¹ Байбурин А.К. К антропологии документа: паспортная «личность» в России // Антропология социальных перемен: сборник ст. / отв. ред. Э. Гучинова, Г. Комарова. М.: РОССПЭН, 2011. С. 533-555.

⁹¹² Там же. С. 547-548.

ции их роли и значения в интеллектуальной, идеологической и политической жизни общества. В принципе, это предмет специального анализа. Тем не менее, уже из материалов этого текста видно, что отношение к синдрому «желтой опасности» в поздней имперской России было сложным и неоднозначным. Были его решительные противники, и яростные сторонники. Причем и те, и другие часто исходили из разных, иногда взаимоисключающих, посылок. Было много тех, кто отвергал основные положения синдрома или стремился понять, насколько миграционная и геополитическая ситуация России, связанная с соседством с дальневосточными странами и народами, несет в себе риски и угрозы для страны. Однако использование ими терминологии и образов, дискурса синдрома «желтой опасности» только вело к его усилению, укрепляло его легитимность. И экзотизация представителей дальневосточных народов вносила свой немалый вклад в этот процесс.

6.2. Язык описания «стольпинских» переселенцев в служебной аналитике Переселенческого ведомства

Аграрное переселение на восточные окраины Российской империи в начале XX века почти вдвое увеличило население Сибири⁹⁸¹. Мощный переселенческий поток, (а в годы «пика» движения из Европейской России за Урал проходило не менее полумиллиона человек в год), требовал от государства не только огромных организационных усилий, но и идеологического осмысления явления, выработки языка его описания.

Как представители власти воспринимали это движение, как разделялся и группировался переселенческий поток в служебной документации, в каких категориях описывались «стольпинские» переселенцы чиновниками-экспертами – эти вопросы определяли исследовательский интерес при работе над данной темой.

Для реконструкции бюрократического и экспертного (что зачастую в рассматриваемых ситуациях совпадает) языка описания переселенцев была проанализирована делопроизводственная

⁹⁸¹ Шиловский М.В. Массовые переселения начала XX века как способ утверждения Российской идентичности в Сибири // Азиатская Россия: Миграции, регионы и регионализм в исторической динамике. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 55.

документация и служебная аналитика Переселенческого ведомства. Источниковую базу исследования составили, с одной стороны, годовые отчеты о деятельности местной переселенческой организации со сведениями о ходе и положении переселенческого дела в Иркутской губернии, с другой стороны, экспертные статьи, отчеты, справки, публиковавшиеся, главным образом, на страницах периодического издания «Вопросы колонизации».

Несколько слов о том, почему публикации в этом журнале и архивные материалы фондов Переселенческого ведомства рассматриваются как источники одного порядка.

Специализированный периодический сборник «Вопросы колонизации» издавался при финансовой поддержке Переселенческого управления на протяжении 1907–1916 годов. Он выходил с периодичностью два номера в год (за исключением 1909 и 1916 г., когда было подготовлено по одному выпуску) и таким образом, всего было издано 19 номеров. По сути, сборник играл роль официального издания Переселенческого ведомства, на страницах которого печатались авторы, непосредственно причастные к проведению переселенческой политики. Практически в каждом выпуске публиковались материалы по истории переселения, очерки колонизации различных регионов, аналитические статьи «на злобу дня», отражавшие проблемы текущего момента. Кроме того в каждом номере помещались материалы заседаний правительственных комиссий и Особых Совещаний по вопросам переселения, законопроекты и их обсуждения, сметы и отчеты Переселенческого управления, работы первых лиц государства. Однако в целом содержание сборников было далеко от правительственного официоза. Здесь можно было встретить как преимущественно теоретические, так и сугубо эмпирические материалы.

Появление такого издания в 1907 году неслучайно. С одной стороны, именно в это время наблюдается небывалый рост переселенческого движения. А с другой стороны, Переселенческое Управление, учрежденное еще в 1896 году, превращается в своеобразное «министерство колоний», заботящееся «о всестороннем развитии наших окраин»⁹⁸². В сферу его ответственности входят не только руководство передвижением переселен-

⁹⁸² Гинс Г. Вопросы колонизации Азиатской России и «выставка по переселенческому делу» // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 4-5.

цев и землеотводными работами на местах их водворения, но и поземельное устройство старожильского и инородческого населения, чем ранее занималось Министерство земледелия и государственных имуществ. Сосредоточение функций по землеустройству как переселенцев, так и старожилов в одном ведомстве начинается с 1905 года, когда Переселенческое управление переходит из-под контроля МВД во вновь образованное Главное управление землеустройства и земледелия⁹⁸³.

До 1909 года вопросами устройства переселенцев на месте водворения ведали чиновники Главного управления землеустройства и земледелия, носившие звания «заведующих водворением». Затем в целях объединения деятельности чинов Переселенческого управления эти вопросы были переданы в компетенцию одного лица: «заведующего землеустройством и переселением». На него было возложено общее руководство постановкой всех сторон переселенческого дела во вверенной ему губернии. Заведующие землеустройством и переселением в Сибири входили в состав Общих Присутствий губернских управлений, где имели право решающего голоса при обсуждении переселенческих вопросов. Они должны были представлять губернатору сметы и планы проведения работ на каждый предстоящий год, а также годовые отчеты о деятельности местной переселенческой организации со сведениями о ходе и положении переселенческого дела⁹⁸⁴.

В штате Переселенческого управления и его местных структур на 1 января 1911 года состояло 2328 человек. В это число входили заведующие переселенческими районами и подрайонами, их помощники, работники землеотводных партий, техники, различного рода специалисты (фельдшеры, агротехники и пр.)⁹⁸⁵.

Работники Переселенческого ведомства к этому времени составляли особую категорию «чиновников-ученых», о чем под-

⁹⁸³ Подробнее о структуре и функциях Переселенческого управления см.: Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Управление миграционными процессами в поздней имперской России: концепты, люди и структуры // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Отгиск, 2012. С. 27–92.

⁹⁸⁴ Шободоев Е. Организация переселения и землеустройства в Иркутской губернии (историческая справка) // Во власти истории: Евгений Шободоев: сборник статей и публикаций / сост. А.В. Шободоева. Иркутск: Отгиск, 2009. С. 209–210.

⁹⁸⁵ Обзор переселения и землеустройства за Уралом за 1906–1910 гг. // Вопросы колонизации. № 10. 1912. С. 233.

робно пишут в своей работе А.В. Ремнев и Н.Г. Суворова⁹⁸⁶. Заселение новых земель предварялось проведением широкомасштабных исследований с участием специалистов ботаников, почвоведов, гидрологов, агрономов. Процесс водворения переселенцев сопровождался изучением их экономического положения, к чему привлекались первоклассные экономисты и статистики.

В свою очередь, эксперты, публиковавшие материалы в «Вопросах колонизации», во многом опирались на отчеты о водворении и переселении и другую делопроизводственную информацию. Зачастую они и сами входили в штат Переселенческого ведомства и имели непосредственное отношение к подобной документации. Эти люди знали ситуацию с переселенцами не понаслышке, оперировали конкретными фактами, находились в курсе реальных проблем. В то же самое время они не были свободны от распространенных в обществе идеологием и стереотипных представлений. Их отношение к переселенцам во многом определялось восприятием собственно переселения как явления.

Переселенец как «носитель цивилизации» и «колониционный материал»

В оценке характера и значимости крестьянского переселения, несмотря на различия взглядов по отдельным вопросам, авторы проанализированных материалов проявляют единодушие. Миграции из Европейской России на восток рассматриваются, прежде всего, как важное государственное дело, как освоение малообжитых земель, как процесс расширения границ империи и нации⁹⁸⁷. Неслучайно для обозначения всей совокупности восточных и юго-восточных имперских окраин в обиход проч-

⁹⁸⁶ Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Управление миграционными процессами в позднимперской России: концепты, люди и структуры // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2012.

⁹⁸⁷ Об имперской и национальной составляющей властного дискурса см. подробнее: Ремнев А.В. Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX века // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 112–146; Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи: оценки и прогнозы имперских экспертов // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 17–64.

но входит понятие Азиатская Россия. Колонизация российских окраин – вот та основная идея, которая определяет восприятие переселенческого движения.

Мнения чиновников низшего и среднего звена находятся в русле общегосударственной политики, которую озвучивают представители верхних эшелонов власти. «Важнейшим в Сибири государственным делом является переселение, – пишет в отчете о поездке в Сибирь П.А. Столыпин. – Богатая всем, кроме людей, Сибирь только в приливе сюда живой русской рабочей силы может найти полноту хозяйственной и культурной жизни. Все остальное: быт старожилов, киргиз, казаков, лесные и горные промыслы, земские и городские дела – все это представляет довольно неподвижную общую среду; напротив, переселение является здесь главной движущей силой»⁹⁸⁸.

«Заселение *окраин* как таковых, то есть создание на самых границах Азиатской России политически и экономически крепких оплотов, составляло одну из главнейших задач А.В. Кривошеина»⁹⁸⁹, – пишет в обзоре истории колонизационного дела В. Вошинин о главноуправляющем землеустройством и земледелием в 1908–1915 гг.

Представление о безлюдности окраин становится общим местом в переселенческой риторике, так же как и уверенность в исконной принадлежности этих земель России: «наша Сибирь», «наш Туркестан» ожидают того, что будут освоены и включены в общее российское пространство. Если же и возникает речь об уже обитающем здесь местном населении, то о нем говорится как о нуждающемся в опеке и просвещении.

«Местное население, – пишет автор показательной во многих отношениях работы⁹⁹⁰, – должно выйти из состояния пенкоснимателей богатой природы и забыть о полудикой свободной жизни в неограниченной шири, где нет никаких побудительных

⁹⁸⁸ Записка Председателя Совета Министров и Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь в 1910 г. // Вопросы колонизации. 1911. № 8. С. 277.

⁹⁸⁹ Вошинин В. Колонизационное дело при Кривошеине // Вопросы колонизации. 1916. № 18. С. 20.

⁹⁹⁰ Речь идет о статье Г. Гинса, посвященной обзору «выставки по переселенческому делу» 1912 года. Здесь возникает двойная репрезентация переселения – автор представляет читателю выставку, которая, в свою очередь, представляет посетителю историю и современное состояние переселенческого дела.

факторов к культурному интенсивному хозяйству. Этот перелом в укладе жизни местного населения не может совершиться без помощи казны»⁹⁹¹.

Нередко при возникновении темы цивилизаторской миссии переселенцев в сдержанное и сухое изложение фактов относительно состояния переселенческих поселков, размера ссудной помощи, организации сельскохозяйственных складов вдруг вторгаются пафосные интонации, возникают яркие образы и метафоры.

«Два миллиона душ, водворенных за пятилетие 1906–1910 гг., двадцать четыре миллиона десятин, отведенных переселенцам, это отчет обществу и истории» – восклицает Г. Гинс⁹⁹². Чуть ниже он добавляет: «При населении Сибири, выражающемся ныне 12 миллионами, каждый новый миллион искусственного прироста уподобляется склянке «живой воды», возвращающей силы мертвому богатырю. Никакое развитие торгово-промышленной жизни Азиатской России, никакое интенсивное хозяйство в ней немыслимо при редком населении. Переселение является средством экономического оживления Сибири»⁹⁹³.

Думаю, будет уместно в этой связи упомянуть о другой, во многом схожей метафоре (правда, с иной гендерной окраской), которая возникла примерно в те же годы и относилась к еще одной имперской окраине. Это – сравнение Северного края со спящей красавицей, охраняемой грозным змеем Горынычем, пробудить которую к жизни сможет только железная дорога. Так образно в 1909 году местный предприниматель пытался убедить читателей городской газеты вкладывать деньги в железнодорожный проект⁹⁹⁴. В. Шперлинг пишет, что Север здесь «переосмысливался по образцу Сибири как имперская окраина: природной дикости окраины можно было радоваться, но лишь недолго, поскольку грубую природу надлежало укротить во имя прогресса и цивилизаторской миссии»⁹⁹⁵.

⁹⁹¹ Гинс Г. Вопросы колонизации Азиатской России и «выставка по переселенческому делу» // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 7.

⁹⁹² Там же. С. 41.

⁹⁹³ Гинс Г. Вопросы колонизации Азиатской России и «выставка по переселенческому делу» // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 47.

⁹⁹⁴ Шперлинг В. «Спящая красавица»: что делать? Империя как понятие, метафора и сеть взаимодействий // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 71–98.

⁹⁹⁵ Там же. С. 79.

Не только сам по себе прогресс и его распространение в далеких землях придают делу переселения такую важность в глазах общества. Цивилизаторский пафос сопровождается страхом запустения, а то и вовсе утраты этих земель, поскольку за этим «пустым пространством» притаился враг. «Японская война заставила вплотную подойти к вопросу о немедленном заселении тех огромных пространств, которые до сего времени лежат как мертвый, но ценный груз, тая несметные богатства, требующие только приложения труда»⁹⁹⁶. Опять возникает образ мертвого сна, скрытого богатства, ждущего своего открытия, но также и нуждающегося в защите.

«Японская война и пробуждение Китая, – вторит ему другой автор, – ясно показывают, что если мы не поторопимся наверстать пропущенное нами для колонизаторской деятельности время, то подвергаемся опасности не удержать Тихоокеанское побережье перед агрессивными, начинающими усвоить новейшую технику, соседями»⁹⁹⁷.

Необходимость искать все доступные способы к извлечению доходов «из дремлющих природных богатств страны» только усиливается в связи с мировой войной, о чем пишет один из главных редакторов «Вопросов колонизации» Г.Ф. Чиркин. Это насущная необходимость «отчетливее и виднее освещает тот исторический путь, по которому до сих пор медленно шла Россия – путь освоения государственной территории русским народом»⁹⁹⁸.

Для описания продвижения русской колонизации на восток он обращается к метафоре «постепенно суживающегося зазубренного меча, тонким концом соприкасающегося у берегов Тихого океана с обширным государством желтой расы». Для того, чтобы «этот тонкий конец русского меча, при столкновении с желтой расой, не был обрублен», он предлагает более интенсивно проводить колонизацию пустующих территорий, причем не только аграрную, но и промышленную. Необходимость такой

⁹⁹⁶ Введенский И. Землеустройство и колонизация // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 113.

⁹⁹⁷ Коль А. Американская гомстедная система наделения переселенцев землей как средство успешной колонизации и экономического развития русских окраин // Вопросы колонизации. 1912. № 10. С. 4.

⁹⁹⁸ Чиркин Г. О колонизационно-культурных задачах после войны // Вопросы колонизации. 1916. № 18. С. 26.

колонизации проистекает из близости (а, следовательно, опасности) Китая и наличия неосвоенных российских земель. Без притока населения невозможно ни аграрное, ни промышленное освоение данной территории.

Переселенец в этом смысле наделяется высокой цивилизаторской миссией – превратить необжитые окраины в неотъемлемую территорию империи, приобщить местное население к цивилизации, стать гарантом всестороннего развития этих земель и противостоять «засилию желтой расы». В то же самое время к нему прилагаются объективирующие, можно даже сказать, механистические категории, такие как *колониционный материал* и *колониционный элемент*.

«Теперь мы должны именно постараться выяснить, что такое представляет собою наш переселенец, как *колониционный материал*»⁹⁹⁹, – пишет в 1905 г. А.А. Кауфман¹⁰⁰⁰, известный экономист и статистик, который на протяжении двух десятилетий успешно сочетал исследовательскую и служебную деятельность, работая в многочисленных правительственных комиссиях и комитетах, связанных с переселенческим делом. «Переселенцы Тамбовской, в особенности же Полтавской, Черниговской и Екатеринославской губерний представляют в высшей степени *полезный колониционный элемент* при степных условиях хозяйства ...», – отмечает в своем отчете статс-секретарь и управляющий делами Комитета Сибирской железной дороги А.Н. Куломзин¹⁰⁰¹.

Им вторят авторы отчетов по переселению и водворению за 1908–1912 гг., использующие выражения «*элемент, полезный для нашей губернии*», «*элемент энергичный, привыкший к борьбе с суровой природой и таежными условиями жизни*», «*желательные/нежелательные элементы*»¹⁰⁰².

Чиновников в первую очередь интересует экономический потенциал прибывающих переселенцев. Общие сведения о количестве водворенных на участке сопровождаются информацией

⁹⁹⁹ Здесь и далее курсивом выделено мною. – Н. Г.

¹⁰⁰⁰ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 319.

¹⁰⁰¹ Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб., 1896. С. 183.

¹⁰⁰² Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 171. Оп. 1. Д. 140. Л. 22; Ф. 171. Оп. 1. Д. 147. Л. 93; Ф. 171. Оп. 1. Д. 245. Л. 50.

об их имущественном положении. Подробно перечисляется количество имеющихся в каждом хозяйстве лошадей, телег, скота, птиц, построек. Эта информация нужна для того, чтобы определить, к какому типу поселенцев их следует отнести с точки зрения экономического положения, и какие действия в связи с этим рекомендуется предпринять (каков должен быть размер индивидуальной ссуды, давать ли ссуду на общественные нужды и если да, то на каких условиях и пр.).

Какие-либо специфические характеристики переселенческих групп появляются во вторую очередь, и возникают они опять же в связи с необходимостью организации экономической помощи. Так, например, ходатайство переселенцев-католиков о поддержке строительства молитвенного здания вызывает необходимость обращения чиновника за дополнительной информацией к католическому священнику. При этом, естественно, конфессиональная принадлежность обсуждается как одна из основных характеристик данной переселенческой группы¹⁰⁰³.

Есть и обратный пример, когда настоятель иркутского католического прихода обращается к начальнику переселенческого района за сведениями о своих единоверцах – для того, чтобы составить отчет вышестоящему церковному иерарху. При этом он просит сообщить не только их количество, но и народность, поясняя, что «сведения о числе переселенцев католиков по народности мне нужны для соображения, насколько потребен священник, владеющий хорошо немецким языком»¹⁰⁰⁴. Откликаясь на эту просьбу, заведующий землеустройством и переселением в Иркутской губернии обращается к нижестоящим чиновникам с распоряжением, собрать соответствующие сведения. В итоге из переселенческих подрайонов присылаются таблицы, где в графе «какой народности» или «какой национальности» (что в данном случае синонимично) упоминаются поляки, немцы, белорусы, латыши.

Инструментальный, прагматичный подход, когда на переселенца смотрят, прежде всего, как на инструмент или материал колонизации, определяет и основные типологии, используемые чиновниками, и их язык описания переселенцев в целом. Имен-

¹⁰⁰³ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 195. Л. 366.

¹⁰⁰⁴ Там же. Д. 592. Л. 1.

но с точки зрения полезности для дела колонизации некоторые авторы выделяют два основных переселенческих типа. Это – «пионер-колонист», идущий в новые земли на свой страх и риск, самостоятельно преодолевающий все препятствия, и переселенец, рассчитывающий на помощь государства, на «казенный кошт» и «дешевый тариф». Пионерский тип соответствует начальному времени колонизации, второй – более позднему ее этапу – массовому переселению.

Вот как об этом пишет А.А. Кауфман: «... далеко не всякий переселенец способен быть таежным пионером. Прежде всего, нынешний переселенец, хлопочущий о разрешении, рассчитывающий на «дешевый тариф» и казенное пособие, имеет немного общего с прежним пионером-колонистом, который уходил, несмотря на «крепкие заставы» и всяческие запрещения, который не останавливался перед неделями и месяцами дороги на телеге или пешком, перед голодом и холодом, и твердо знал, что ему не на кого надеяться, кроме Бога и самого себя»¹⁰⁰⁵.

В другой работе Кауфман отмечает, что качества, характерные для пионерского типа (инициативность, самостоятельность, энергичность), иногда встречаются и у современных ему переселенцев. Оспаривая стереотипное представление о благотворном культурном влиянии «русской колонизации» на «туземное население окраин», он описывает темноту и невежественность русских крестьян-переселенцев. Однако при этом признает, что есть исключения из правила, и в качестве примера приводит латышей, ведущих образцовое хозяйство в глухом тарском урмане, меннонитов, поселившихся в новоузенской степи и в предгорьях Туркестанских гор, амурских молокан¹⁰⁰⁶.

Обращает на себя внимание то, что «латышские поселки» и «молоканские хутора» служат для него примерами инициативных проводников «русской колонизации». Приведу еще одну подобную цитату. Говоря о «*всей массе русских переселенцев*», Кауфман замечает, что ««переселенец» – это не собирательный тип, а только собирательное название, объединяющее под один, в значительной мере внешний, признак, представителей самых разнообразных типов *нашего крестьянства*, начиная от

¹⁰⁰⁵ Кауфман А.А. Колонизация Сибири в ея настоящем и будущем // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 186.

¹⁰⁰⁶ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 328.

пионера-таежника или трудолюбивого латыша и белоруса и кончая переселенцем-ростовщиком или действительно бродячим "кустанайцем"¹⁰⁰⁷.

Это – показательная цитата, в которой в один ряд поставлены номинации, обозначающие и этничность (латыш, белорус), и профессиональное занятие (ростовщик), и территориальная идентичность (кустанаец). Логику задает колонизаторский дискурс, который нивелирует понятийные границы, уравнивая этнонимы, топонимы и другие определения. Перечисление идет от наиболее «полезных для колонизации элементов» к менее полезным. При этом и *латыш*, и *белорус* входят в общую категорию *наше крестьянство*, составляя неотъемлемую часть *русских переселенцев*. Возникает вопрос – в чем состоит в данном случае «русскость»?

Неопределенность этнической лексики

На протяжении всего периода массового крестьянского переселения гетерогенный переселенческий поток зачастую описывается как единый, в том смысле, что все это – «русская колонизация», русское переселение¹⁰⁰⁸. Смысловое поле определения «русский» при этом не имеет четких границ, оно используется как в узкоэтническом, так и в более широком понимании, причем оба смысла плавно перетекают одно в другое.

С одной стороны, переселенцы характеризуются как *наш русский народ*, и кажется, что в этом выражении отчетливо просматривается собственно этнический смысл слова: «Переселения русских крестьян признаются многими за одну из характернейших особенностей русского народного быта. Одни, оптимисты, видят в них проявление присущих нашему народу особых колонизаторских способностей, которые помогли русскому серому зипуну приобщить к культуре такие разнообразные ... местности, как самарская степь и гористая тайга Уссурийского края, как вологодский север и предгорья Тянь-Шана ...»¹⁰⁰⁹

¹⁰⁰⁷ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 321.

¹⁰⁰⁸ Далее для анализа берется фрагмент из работы А.А. Кауфмана, однако в подтверждение тезиса можно сослаться и на многочисленные публикации в «Вопросах колонизации». Практически в каждом обзоре или аналитической статье аграрное переселение на восточные окраины империи описывается как «русская колонизация».

¹⁰⁰⁹ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 4.

С другой стороны, слово *русские* зачастую понимается в расширительном смысле как обозначение подданства, государственной принадлежности и общей культуры. «Мы только что видели, что *русские переселенцы* – это *свои крестьяне*, к которым *русское правительство* и *русское общество* не могли ни при каких обстоятельствах отнестись с тою черствою жестокостью, какая возможна по отношению к чужестранным иммигрантам. Но ведь и туземное население местностей, куда направляется русское переселение, – это тоже свое население, к которому ни русское правительство, ни русское общество не могут относиться так, как испанцы относились к ацтекам или инкам и как англичане до сих пор относятся к чернокожим обитателям своих африканских владений»¹⁰¹⁰.

В выражениях «русское правительство» и «русское общество» определение *русский* употребляется, скорее, в том же значении, в каком сегодня зачастую используется слово *российский* для обозначения принадлежности к российскому государству. Но в то же самое время туземцы, составляющие часть населения империи, русскими при этом не называются.

Да, можно сослаться на концепт большой русской нации, объединяющей великороссов, малороссов и белорусов в один русский народ. При этом можно вспомнить, что в первой переписи населения Российской империи 1897 г. «этнографический состав» населения определялся преимущественно на основании «родного языка»¹⁰¹¹. Русский язык при этом считался состоящим из трех наречий – малороссийского, белорусского и великорусского. Соответственно, рассматривался и состав русского народа.

Но в вышеупомянутом случае под русскими крестьянами понимаются представители и других этнических групп (латыши, немцы). Т. е. слово *русский* используется здесь и для обозначения представителя большой русской нации, и для обозначения подданства.

Интересно, что в узкоэтническом смысле, но вкупе с конфессиональной характеристикой, этноним *русский* фигурирует в основном переселенческом законе того периода – «Временных правилах о добровольном переселении сельских обывателей и

¹⁰¹⁰ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 9.

¹⁰¹¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального Статистического комитета МВД / Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. VIII. Вольнская губерния. СПб., 1904. С. VII, XI.

мещан земледельцев» от 6 июня 1904 года¹⁰¹². В ст. 5 идет речь о разрешении переселяться в Сыр-Дарьинскую, Ферганскую, Самаркандскую области и в Кавказский край «только лицам *коренного русского происхождения Православного исповедания* или же последователям таких раскольничьих сект, допущение которых к водворению в названных местностях Министр Внутренних Дел по соглашению с Министром Военным и Главнoначальствующим Гражданской частью на Кавказе, по принадлежности, признает возможным». Согласно ст. 27, эти же преференции распространялись на отставных военнослужащих нижних чинов, которые бы пожелали переселиться в указанные области.

Размытость смысловых границ характерна не только для определения *русский*. Это относится и к другим этнонимам и производным от них словам, которые используются во внеэтническом или не только в собственно этническом значении.

Этнонимы часто соседствуют с категориями, обозначающими место проживания, рождения, поселения (назовем их обобщенно маркерами локальности), причем те и другие используются как равнозначные и заменяющие друг друга определения. Порой трудно сказать, фигурирует ли этноним в качестве обозначения места выхода или же, наоборот, название региона указывает на этничность его представителей. Например, обозначает ли выражение «выходец из малороссийских губерний» или «выходец из литовско-белорусских районов» этническое происхождение человека или же оно только указывает на место его прежнего проживания?

Логично предположить, что определения типа «выходцы из...» являются маркерами локальности, а прямое употребление этнонима (белорусы, латыши) сигнализирует об этническом происхождении. Однако конкретные примеры словоупотребления показывают, что это не всегда так, поскольку переход от этнонима к категории локальности и наоборот, совершается на протяжении одного небольшого фрагмента текста и оба определения используются как синонимы.

Приведу пример. «Очень часто <...> особо благоприятные свойства приписывают переселенцам-малороссам по сравнению

¹⁰¹² Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. XXIV. № 24701.

с выходцами из великороссийских губерний. <...> но в существе своем хозяйство переселенцев-малороссов ничем не отличается от хозяйства выходцев из великороссийских губерний. И что притом особенно существенно – это то, что малороссы, как и вообще переселенцы-южане, как мы знаем, являются колонизационным элементом с наиболее одностороннею пригодностью и совершенно не годны для роли пионеров сибирской тайги»¹⁰¹³. *Малороссы* сравниваются здесь не с русскими, не с великороссами, а с *выходцами из великороссийских губерний*. Кроме того, они мыслятся как часть более общей категории *переселенцы-южане*. Можно сказать, что на первый план здесь выходит не обозначение этничности, а указание на территориальность, этноним используется во внеэтническом значении (*малороссы* как *южане*, как *выходцы из малороссийских/южных губерний*, а не как представители «малороссийского народа»).

М.Д. Долбилов в работе о семантике слова *поляк* в имперском политическом лексиконе описывает интересную ситуацию использования в официальной риторике XIX века этнически нейтрального выражения *уроженцы/жители Западных губерний* вместо этнонима *поляки*. Такая замена, по мнению автора, могла быть не только своеобразным эвфемизмом в условиях курса на деполонизацию Западного края, но и указывать на стремление сконструировать вненациональную краевую идентичность подобно «галичанам» в империи Габсбургов¹⁰¹⁴.

Однако в процитированном выше фрагменте относительно малороссов вряд ли речь идет о такой же сознательной замене этнонима маркером локальности. Скорее всего, наблюдаемая взаимозаменяемость (*малоросс* – выходец малороссийских губерний – *южанин*) показывает размытость семантического поля понятий, служащих для обозначения этнической и географической характеристик.

О сходном словоупотреблении, но применительно к более раннему периоду, пишут А.Л. Котенко, О.В. Мартынюк и А.И. Миллер: «Именно в XVIII веке в русский язык постепенно входят *малороссияне/малороссийцы/малороссиянцы/малороссы*

¹⁰¹³ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 329.

¹⁰¹⁴ Долбилов М.Д. *Поляк* в имперском политическом лексиконе // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 302-302.

в типичном раннемодерном географическом (не этническом!) значении жителей, уроженцев *Украины/Малороссии*. <...> Несмотря на присоединение территорий и населения по правому берегу Днепра в результате разделов Речи Посполитой, существенных изменений в понятии малоросс не произошло. *Малороссы/украинцы/южнороссы* все так же бессистемно употребляются как синонимы в своем значении XVIII века – для обозначения населения определенной территории, преимущественно на левом берегу Днепра»¹⁰¹⁵.

К числу общеизвестных фактов относится смешение в эту эпоху маркеров этничности и конфессиональности, когда *поляк* автоматически означало *католик, русский – православный, еврей – иудей*, и наоборот, конфессиональные определения указывали на соответствующее этническое происхождение.

Помимо обозначения локальности и конфессиональной принадлежности, содержание этнонима могло включать также и политический компонент¹⁰¹⁶. В качестве других вариантов внеэтнической нагрузки этнонима выступали указания на сословные и лингвистические характеристики.

Критерии классификации

Какое же место занимают этнические категории в типологиях и классификациях «стольпинских» переселенцев? Чтобы ответить на этот вопрос, надо посмотреть, на каких основаниях строятся подобные типологии.

О выделении двух типов переселенцев, соответствующих раннему «самовольному» и позднему массовому этапу колонизации, уже говорилось выше. Посмотрим теперь, по каким критериям сортировался переселенческий поток в документации Переселенческого ведомства, на какие группы разбивали пере-

¹⁰¹⁵ Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И. Малоросс // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 399–400.

¹⁰¹⁶ О политической нагруженности понятия *поляк* см.: Долбилов М.Д. *Поляк* в имперском политическом лексиконе // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 293, 310–311; Крих А.А. Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX века). Омск: Издат. дом Наука, 2012. С. 186–187, 190.

селенцев чиновники при подготовке годовых отчетов и других справок¹⁰¹⁷.

На первый план здесь выходят две характеристики. Во-первых, географический критерий – по месту выхода и месту вселения с показанием процента выходцев из той или иной губернии от общего количества переселившихся. Во-вторых, хозяйственно-экономические показатели (размер хозяйства, земли, денег), свидетельствующие о степени состоятельности переселенца и его семьи. Причем, эти критерии фигурируют как основные не только в годовых отчетах заведующих переселением и водворением, но и в опубликованных обзорных материалах разных годов¹⁰¹⁸. Показатели хозяйственной состоятельности лежат в основе принятия переселенческими чиновниками решения о размере ссуд, выдаваемых правительством на хозяйственное устройство.

Только вслед за этими характеристиками в некоторых материалах появляется распределение по социокультурным критериям: сословным (из бывших государственных или помещичьих крестьян, из мещан-землепашцев), конфессиональным, этническим. Последнее также увязывается с вопросом «пригодности» для колонизации. Например, «молдаване Бессарабской губернии» рассматриваются как нежелательные переселенцы, поскольку среди них высок процент «обратников», что связано с их неприспособленностью к сибирским условиям¹⁰¹⁹.

В материалах, описывающих состояние уже водворившихся семей, на первый план выступает временной фактор. Длительность проживания на переселенческом участке служит показателем колонизационной способности этих людей, а также является дополнительным фактором их дальнейшей успешной адаптации (поскольку от этого зависит наличие связей с местными жителями, нахождение дополнительных финансовых источников в

¹⁰¹⁷ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 29, 147, 183, 195, 245, 256, 317, 494, 667, 1107; Ф. 172. Оп. 1. Д. 99.

¹⁰¹⁸ См., например: Переселение в Сибирь. Прямое и обратное движение переселенцев семейных, одиноких, на заработки и ходоков. Вып. XVIII. Я.Ф. Ставровский и В.В. Алексеев. СПб.: Изд. Перес. управления, 1906; Обзор переселения и землеустройства за Уралом за 1906–1910 гг. // Вопросы колонизации. 1912. № 10. С. 219–288; Яшнов Е. Колонизация Туркестана за последние годы // Вопросы колонизации. 1916. № 18. С. 102–157.

¹⁰¹⁹ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 140. Л. 22, 22 об.

виде заработков на железной дороге или премий за раскорчевку лесных участков¹⁰²⁰).

Переселенцы чаще всего в подобном контексте называются *новоселами*, а местное население – *старожилами* и *инородцами*. Хотя относительно различия новосела и старожила следует сказать, что при общеупотребительном наименовании вчерашних переселенцев новоселами на протяжении 10 или даже 25 лет по водворении, существовала и другая, «фискальная», точка зрения. Согласно инструкции от 17 февраля 1906 г., «после занятия на переселенческом участке всех долей и истечения установленных по платежу оброчной подати льгот, заведывающим водворением переселенцев составляется особый акт, обуславливающий включение переселенческого поселка в общую погубернскую раскладку. Составление этого акта (...) признавалось до сего времени за момент перехода переселенческих поселков в разряд старожильческих селений». Циркуляр Главного управления землеустройства и земледелия от 3 августа 1910 за № 18 внес изменения в это положение и постановил считать моментом такого перехода полное заселение участка, оставляя за жителями этих поселков право на льготное налогообложение до истечения установленного срока¹⁰²¹.

Тема взаимоотношений переселенцев и местного населения время от времени появляется на страницах «Вопросов колонизации», хотя и не занимает здесь главного места¹⁰²². В документах фондов Переселенческого ведомства она встречается еще реже и, главным образом, в связи с работами землеустроительной комиссии по отрезке земельных «излишек» у инородческого населения в пользу переселенческих участков.

Старожилы также обозначаются как *русские жители Сибири*, *коренные русские жители Сибири*, *сибирские крестьяне-старожилы*, *сибиряки*¹⁰²³. Инородцев иногда называют *туземца-*

¹⁰²⁰ ГАИО. Ф. 171. Оп. 5. Д. 237.

¹⁰²¹ Там же. Оп. 1. Д. 143. Л. 186.

¹⁰²² За исключением, пожалуй, первого выпуска сборника, «посвященного преимущественно рассмотрению одного из главных вопросов колонизации – отношению между землеустройством переселенцев и аборигенов». См.: От редакции // Вопросы колонизации. 1907. № 1. С. 2.

¹⁰²³ Подробнее об употреблении понятия старожила см.: Крих А.А. Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX века). Омск: Издат. дом Наука, 2012. С. 3–5.

ми, аборигенами, но чаще всего в их наименовании слово инородец сочетается с этнонимом (*инородцы-буряты, инородцы-киргизы*)¹⁰²⁴.

Несмотря на использование различных категорий и явное выделение в принимающем обществе двух больших групп, и инородцы, и старожилы объединяются по смыслу в одну категорию, когда авторы рассуждают об экстенсивности их хозяйства, о недостаточно развитых культурных навыках и т. п. Соответственно, за крестьянином-переселенцем закрепляются характеристики более цивилизованного, более культурного элемента, несущего «свет цивилизации» на окраины империи. Т. е. опять-таки мы видим, что переселенческое движение воспринимается в рамках колониационного цивилизаторского дискурса.

Анализируя принципы категоризации и описания переселенцев на примере двух локальных групп¹⁰²⁵, я пришла к выводу, что обе эти группы для представителей власти были частью единого переселенческого потока, различаемые прежде всего по месту выхода и месту поселения, а также по степени полезности для заселяемой территории. Статус переселенца являлся определяющим для восприятия этих людей, а все другие групповые характеристики по своей важности стояли на втором месте. Среди них, прежде всего, следует отметить конфессиональный маркер. Что же касается этнической принадлежности, то складывается впечатление, что на тот момент времени ни для внешнего наблюдателя (будь то чиновник, житель соседней старожильской деревни или поселенец соседнего переселенческого участка), ни для самих членов группы она не входила в число наиболее важных групповых характеристик.

Рассмотрение этого вопроса на более широком материале подтверждает сделанные выводы. Говорить об этничности как о базовом идентификационном принципе на тот момент времени не приходится, даже несмотря на то, что этнические преферен-

¹⁰²⁴ О многозначности понятия инородец см.: Бобровников В.О. Что вышло из проектов создания в России инородцев? (Ответ Джону Слокуму из мусульманских окраин империи) // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 259-291.

¹⁰²⁵ См.: Галеткина Н. Категоризация и репрезентация столыпинских переселенцев (на примере двух переселенческих групп) // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Отгиск, 2012. С. 193-217.

ции содержались в основном законе, регулировавшем переселенческое движение (о чем было сказано выше).

* * *

Подытоживая, можно сказать следующее. Данное исследование показывает, что на первый план в описании чиновниками-экспертами массового переселения на восточные окраины империи в начале XX века выходили хозяйственно-экономические показатели, что было обусловлено колониционной рамкой восприятия всего явления в целом. Власть интересовали не политическая лояльность, не культурная однородность общества и возникающие проблемы между местным и пришлым населением. В фокусе интереса находилась способность переселенца к хозяйственному освоению «новых», «пустых» земель. Прагматичный подход к нему как к инструменту колонизации, как к «полезному/бесполезному колониционному элементу», определял и язык описания.

Среди других классификационных критериев чаще всего использовались категории локальности, а также сословные и временные характеристики.

Этничность вовсе не входила в число основных элементов этого языка описания. Употребление же этнической лексики демонстрирует смешение маркеров локальности, подданства, конфессиональной и собственно этнической принадлежности. Т. е. зачастую этническое определение (например «русский») понимается, прежде всего, в расширительном смысле как обозначение подданства/гражданства, общей культуры и во вторую очередь, происхождения. Либо оно употребляется как показатель места прежнего проживания – например, когда в качестве синонимов употребляются «малоросс», «выходец из малороссийских губерний», «выходец из южных губерний».

6.3. Советская власть и этнические меньшинства Сибири: поиск и формирование дискурса управления (1920-е годы)

В начале 20-х годов прошлого столетия большевики оказались в странной и необычной ситуации. С одной стороны, еще нет никаких национально-государственных рамок, и есть надежда